

Скудный, почти грубый завтрак — половина миски жидкого пшенного супа, в котором можно было увидеть собственное отражение, да маленькое блюдце солений, горьких от соли, — вот и всё.

Янь Дань молча доел, чувствуя лишь вкус воска во рту.

Он подошел к скрипучей, разбитой оконной раме и уставился в пространство, глядя на небо над Ханьданем, вечно серое, словно давящее тысячепудовым грузом.

Восторг от переселения и пыл защитника кумира немного улеглись, уступив место невыразимой тоске и растерянности, подступившим к сердцу.

Вот она, Эпоха Сражающихся царств.

Вот она, жизнь заложника.

Безысходная нужда, без конца и края; унижения, готовые обрушиться в любой момент; да бесконечные горькие истины от Цзюй У...

С тех пор как Янь Дань потребовал от Цзюй У извиниться перед Ин Чжэном, заявив, что толкали его люди Чжао и унижали его люди Чжао — зачем винить Ин Чжэна? А после тех разящих в самое сердце вопросов: «нужно забыть облик отца» и «сможешь ли еще вернуться в государство Янь», — Цзюй У перестал, словно сторож, ежечасно наставлять его и принуждать держаться подальше от Ин Чжэна.

Хотя старое лицо его по-прежнему было хмурым, на уроках он оставался строгим и требовательным, но во взгляде, обращенном к Янь Даню, появилось что-то сложное и невысказанное: то ли недоумение, то ли некое бессильное смирение.

Жизнь, казалось, вернулась в прежнюю колею: утро — учеба с Цзюй У, после полудня... ну, а после полудня наступало время малых уроков учителя Янь Даня.

Как-то днем солнечный свет с трудом пробился сквозь облака, оставив в разрушенном дворе несколько пятнистых бликов.

Янь Дань, только что усвоивший на утреннем занятии с Цзюй У толкование фразы «прославлять великие добродетели, чтобы сблизить девять родов» из «Шаншу · Яодянь», радостно припустил к соседнему двору.

Ин Чжэн сидел на пороге, вода сухой веткой по пыльной земле, вырисовывая что-то бессознательно.

Увидев приближающегося Янь Даня, он поднял голову. Черные глаза были спокойны, на лице не отражалось никаких эмоций, но и неприязни тоже не было.

— А Чжэн! А Чжэн! — Янь Дань плюхнулся рядом с ним и с воодушевлением принялся пересказывать только что услышанное. — Утром Учитель объяснял «Яодянь»: «прославлять великие добродетели» — значит распространять добродетели, «чтобы сблизить девять родов» — значит добиваться гармонии в семье... Но я думаю, просто заботиться о родственниках — этого мало...

Он намеренно сделал паузу, интригуя.

Ин Чжэн действительно заинтересовался: ветка замерла, он повернул голову и взглянул на Янь Даня с немим вопросом.

Янь Дань придвинулся ближе, понизил голос и начал вставлять свои мысли:

— Посуди сам: сколько людей в одной семье? Девять родов — это уже предел, верно? Но в Поднебесной так много людей! Какой прок от того, что хорошо только твоей семье? Вот если сделать так, чтобы всем людям в Поднебесной жилось хорошо, — вот это настоящее умение! Это называется... хм... «всеобщая любовь»? Нет-нет, это у моистов слишком идеалистично... Это называется «держать в сердце всю Поднебесную»!

Он, пережевывая свои позднейшие представления о единстве и управлении государством, вкладывал их в самые простые слова, вдалбливая Ин Чжэну.

Ин Чжэн слушал чрезвычайно внимательно, черные глаза не мигали, внутри них вспыхивал свет — казалось, он лихорадочно обдумывает сказанное.

Спустя долгое время он медленно заговорил. Голос его еще звучал по-детски, но был необычайно отчетлив:

— Чтобы всем людям в Поднебесной жилось хорошо... нужна очень большая сила... и... очень хорошие порядки, чтобы все слушались и не нарушали.

Глаза Янь Даня засияли!

Вот это да! Вот он, его кумир!

Семь лет! А уже видит самую суть — порядок и сила — вот основа для благого правления! А не пустые разговоры о морали!

— Да-да-да! Именно! — Янь Дань в возбуждении хлопнул себя по колену, не колеблясь

потратил 1 Очко, чтобы обменять на молочную конфету, и, словно награждая ребенка за правильный ответ, сунул ее в руку Ин Чжэну. — Награда тебе! Отлично сказано!

Ин Чжэн: ...

Он опустил голову, глядя на внезапно появившуюся на ладони конфету, затем поднял глаза на Янь Даня, сияющего глуповатой радостью «разделяющего его гордость». На маленьком лице промелькнуло едва уловимое, почти беспомощное выражение, но он молча сжал конфету в кулаке.

— Дзинь! Обнаружено эффективное обучение Хозяином, направляющее Ядро источника энергии (Ин Чжэн) к глубокому размышлению и обобщению. Познавательные способности Энергетического ядра тренируются, удовлетворенность повышается. Бонусные Очки: +5! Текущие Очки: 69.

Вот! Знание — это сила! А сила — это Очки! На душе у Янь Даня стало сладко-сладко.

Такие сцены постепенно стали привычными.

Утром Янь Дань глотал знания у Цзюй У без особого разбора, зубря наизусть.

После полудня он бежал к Ин Чжэну, заново пережевывал усвоенное, добавлял собственное понимание и щедро сдабривал все это опережающими время мыслями, вскармливая жаждущего знаний Ин Чжэна.

Рассуждая о «Фэн, Я, Сун» из «Шицзина», переходил к различиям в обычаях разных земель, намекая на важность сбора информации;

отталкиваясь от гексаграмм «Чжоу И», заводил речь о законах изменений вещей, втайне прививая ростки диалектического мышления;

даже в презираемых Цзюй У «хитроумных уловках и никчемных ремеслах» Янь Дань умудрялся отыскать великий принцип «улучшения жизни народа, обогащения государства и усиления армии».

Ин Чжэн был словно губка, которая никогда не насыщается, жадно впитывая всё.

Он был молчалив, но каждый раз, когда открывал рот, неизменно схватывал самую суть и даже часто делал выводы, выдвигая острые, как бритва, суждения, от которых Янь Дань только рот открывал.

А Янь Дань окончательно погряз в сладостном чувстве «вскармливания кумира» и не мог из

него выбраться.

Каждый раз, когда Ин Чжэн выдавал ответ, приводящий Янь Даня в восторг, тот не колеблясь выменивал конфету в награду.

Дошло до того, что у Ин Чжэна выработался условный рефлекс: стоило ему сказать что-то, от чего у Янь Даня загорались глаза, он машинально косился на руку Янь Даня — не появится ли оттуда очередная «специальная яньская» сладость.

После множества таких разов Ин Чжэн все же не сдержался.

В тот день, когда Янь Дань снова наградил его конфетой за блестящий ответ о том, почему «четкое разграничение наград и наказаний» может воодушевить воинов, Ин Чжэн, пососав конфету, спокойными черными глазами посмотрел на Янь Даня и вдруг тихо спросил:

— Брат Дань... после того раза, когда ты упал... ты стал... понимать особенно много.

Янь Дань, все еще пребывающий в гордости оттого, что «мой Чжэн Гэ такой умный», и в радости от «+5 Очков», услышав это, застыл с глупой улыбкой на лице.

Вот беда! Разгулялся, забыл сохранять образ!

Он лихорадочно закрутил мозги, собираясь отделаться смешком, вроде «может, у меня каналы Жэнь-май и Ду-май от удара открылись»...

Но тут Ин Чжэн опустил голову и еще тише, почти шепотом, добавил:

— ...Сильнее стал намного.

В этом голосе не было ни подозрения, ни попытки докопаться — напротив, чувствовалась едва уловимая... зависимость и... признание?

Всякая чепуха, готовая сорваться с языка Янь Даня, мигом застряла в горле.

Он смотрел на опустившего голову Ин Чжэна, тихо сосущего конфету, с чуть порозовевшими ушами, и в груди у него олень по имени «гордость» снова принялся бешено биться о стены!

А-а-а-а! Его хвалит кумир! Сам юный Чжэн Гэ при жизни признал его «сильным»!

Какое там «следить за образом, соблюдать скрытность»! Какое там «раскрыть инкогнито»! Всё вмиг потеряло значение!

Он рванул вперед, расплывшись в улыбке до ушей, чуть не обнял мальчугана и не принялся тереться о него:

— Правда? А Чжэн правда считает, что я теперь очень сильный?

Ин Чжэну стало неловко от такой чрезмерной горячности, он слегка откинулся назад, но все же едва заметно кивнул.

— Хи-хи-хи... — Янь Дань засмеялся в голос, на душе летал от счастья, махнул рукой и, снова выменяв конфету, сунул ее Ин Чжэну. — Награда тебе! Глаз у тебя наметан!

Ин Чжэн: ...

Он посмотрел на вторую конфету в руке, затем на Янь Даня, который улыбался, словно круглый дурак, помолчал мгновение и в конце концов молча спрятал конфету за пазуху.

Да, брат Дань действительно... сильно изменился.

Впрочем, такой брат Дань... совсем неплох.

По крайней мере, конфеты у него и вкусные, и много их.

<http://bllate.org/book/18665/1800134>